

© Т.С. Каландаров, Ю.О. Молчанова

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ / НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОЭЗИИ ТАДЖИКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ*

В статье рассмотрены концепции социальной справедливости и несправедливости в поэзии таджикских трудовых мигрантов. Поэзия сама по себе важна в силу своей функциональности (она аккумулирует контекстуальные смыслы, их же выражает и формирует), но несмотря на важность темы, поэзии мигрантов до сих пор уделяется недостаточно много внимания в отечественной науке. Вместе с тем, именно поэтическое творчество и самовыражение становятся одним из символических пространств, где мигранты могут выразить свои переживания, взгляды, тревоги и надежды. Для нас во время интервью важно было не только выяснить «начинку» концепции справедливости, но и то, какое место осмысление социальной действительности в форме поэтического творчества занимает в индивидуальной идентичности наших респондентов, к кому они обращаются, кто для них «свой», а кто «чужой». Статья основана на анализе творчества четырех поэтов-мигрантов из Таджикистана, а также на результатах интервью, проведенных с 3-мя из них. Авторы, кроме выдержек из интервью, в статье приводят стихи своих респондентов в оригинале и в смысловом переводе.

Ключевые слова: таджики, поэзия, миграция, социальная справедливость, Таджикистан, Россия

Для цитирования: Каландаров Т.С., Молчанова Ю.О. Социальная справедливость / несправедливость в поэзии таджикских трудовых мигрантов в России // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 116–128.

Тема мигрантской поэзии является достаточно новой для отечественной этнологии. в исследованиях миграционных процессов и мобильностей обычно редко удается услышать голоса самих мигрантов. Что касается их творчества, то об этом и вовсе только в последние годы начали писать отечественные исследователи, хотя данная тема уже достаточно давно исследуется нашими коллегами – антропологами из других стран – Джогиндар Шамшер (Jogindar Shamsher), Давидом Копланом (David Coplan), Даниэлой Камбаскович (Danijela Kambaskovic), Воннинг Сан (Wanning Sun), Александром

Каландаров Тохир Сафарбекович – к.и.н. старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32а), Эл. адрес: tohir_s70@mail.ru
Молчанова Юлия Олеговна – аспирантка, Институт этнологии и антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32а), Эл. адрес: volim9102@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации по теме «Социальная справедливость в поэзии трудовых мигрантов из Центральной Азии в Москве»

Тимчуком (Alexander Tymczuk) и др. Один из авторов статьи также уже писал о таджикской мигрантской поэзии (Каландаров 2017: 91–119; 2019: 169–177).

При подготовке данной статьи одним из основных методов работы стал мониторинг социальной сети Facebook в целях нахождения стихотворений авторов аккаунтов. На сегодняшний день в Facebook существует уже несколько групп, которые объединяют поэтов из Таджикистана. Так, например, в группе «Таджикские писатели» сотрудничает около 34 тыс. человек, а в сообществе «Памирская поэзия» – около 8 тыс. подписчиков.

В рамках этой статьи, анализируя концепцию социальной справедливости в поэзии, мы использовали произведения четырех таджикских поэтов-мигрантов, и взяли интервью у троих из них в апреле и в мае 2021 г. Два интервью были на таджикском языке – родном языке поэтов, а третье проводилось на русском языке, так как поэт достаточно свободно владеет им. Выбор пал на этих четырех авторов, именно потому что они являются наиболее плодотворными поэтами, которые почти еженедельно обновляют страницы в Facebook своими новыми стихами. Трое из авторов – таджикоязычные поэты Хуршед Умарзода, Бону Парвоза и Насим Исоев, а четвертый наш информант – шугнаноязычный поэт Мушкалишо Дилбаршозода.

С Хуршедом мы встретились в конце мая в Москве и поговорили о его творчестве. Он родился в 1984 г. в районе Темурмалик Хатлонской области Республики Таджикистан. Там учился в средней школе. После окончания средней школы поступил в Налогово-Правовой Университет в Душанбе на экономический факультет. В 2006 г. приехал в Россию. Работал в разных местах: в магазине торг. сети «Пятерочка», в колбасном цеху, некоторое время работал ландшафтным дизайнером. Сейчас занимается ремонтом квартир. в Таджикистане у него семья – жена и пятеро детей: три девочки и два мальчика. Самая старшая дочь уже учится в 8 классе. По его словам сильная тяга к литературе у него была еще в школьные годы, но свое первое стихотворение он пишет в студенческие годы, когда умирает его мама.

На наш вопрос о справедливости Хуршед отвечает:

«В миграции меньше всего мы видим справедливости. Я думаю, иностранцам всегда сложно в чужих странах, по отношению к ним не всегда справедливы. Часто нам, таджикам, сложно бороться с несправедливостью. Наше государство не всегда может заступиться за каждого мигранта, который сталкивается с несправедливостью. Иногда здесь в Москве мы сталкиваемся с несправедливостью только потому что мы приезжие, и, не важно есть у тебя документы или нет. Вообще, я думаю, каждая ночь, проведенная вдали от семьи и детей, – это уже несправедливо» (ПМА: Хуршед).

Хуршед свои стихи обычно пишет вечером или ночью. Он живет в комнате в общежитии с другими ребятами из Таджикистана.

«Все платят одинаково за комнату, и сложно кого-то просить выключить телевизор или перестать общаться по телефону. Все это мешает мне писать стихи. Но, пока я живу так. Думаю, сложности мигрантской жизни подталкивают меня к творчеству. Я ещё не называю себя поэтом, хотя у меня есть огромное желание писать стихи», – говорит Хуршед (ПМА: Хуршед).

Во время интервью наш информант читает свое стихотворение:

Бе ту дили ман ҳасрати ҳичрон кашад, охир,
 Оинаи дил акси ту чонон кашад, охир.
 То ҳамчу саробе ба назар хуб намои,
 Бар лаъли лабат қатраи борон кашад, охир.
 Оне, ки ба зебоии зоҳир дил агар баст,
 Чун сурма ба шабқӯри залилон кашад охир.
 Моро чӣ ниёз аст хушомад ба ту гуфтан,
 Номард касе миннати дунон кашад, охир.
 Сад шаҳр бигаштам сари он пардаи тақдир,
 Чун тоҷики ман заҳри фаровон кашад, охир.
 Аз аҳли Хуросонаму пайванд ба Сомон,
 Бори ғами миллат сари миҷгон кашад, охир.
 Хуршед дурахшид дар ин назми Мусалло
 Шаҳди суҳанаш хусрави хубон кашад охир.

В переводе¹ на русский язык:

Без тебя сердце мое испытает печаль разлуки, в конце концов,
 Зеркало души моей образ любимый, в конце концов.
 Для того, чтобы миражом пред взором моим возник(ла),
 На рубиновые губы капля дождя упадет, в конце концов.
 Тот, кто влюбился во внешнюю красоту,
 Как сурьма для слепого бесполезным станет это, в конце концов.
 Зачем нам тебе льстить,
 Не мужчина тот, кто будет чувствовать себя обязанным перед низкими людьми,
 Сто городов обыскал, чтобы найти источник судьбы,
 Как у таджика тяжела моя судьба.
 Из Хорасанского корня со связью с Самонидами,
 Проблемы всего народа на ресницы мои падут.
 Солнце светило в этом упорядоченном мире,
 Сладкие слова падут на предводителя хороших людей, в конце концов.

Другой наш информант Мушкалишо родился 29 октября 1972 г. в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. У него высшее геологическое образование. в России живет с конца 90-х.

Как было уже отмечено выше, Мушкалишо пишет свои стихи на шугнанском языке. Заниматься поэтическим творчеством он начал, когда жил и учился в Таджикистане. в своей поэзии Мушкалишо также анализирует различные аспекты социальной действительности, включая оппозицию «справедливость/несправедливость». Тему справедливости он интерпретирует так:

«Это очень глобальный вопрос, то, что мы говорим о справедливости. Справедливость – это некая культурная ценность. Ее надо искать и в человечестве, и в религии, и в культуре, потому что она заложена человеком и в человечестве. в моем понимании справедливость – то, что мы говорим “социальная несправедливость“ или жизненная ... для нас, людей востока, особенно для Памира (то, что я вырос и то, что я видел), в моем понимании – это общеглобальное. Но там мы об этом мало думали. в те годы, когда я там был, у нас воспитание другое и подход, и обращение – все это было другое. И я вот так этого не чувствовал, мало чувствовал. А как выйдешь из дома... дома же тебя всегда боготворят, потом уже пойдешь дальше,

¹ Смысловые переводы выполнены авторами статьи/

там уже ты увидишь неравенство. Уже чувствуешь, что что-то не так. С тобой не так разговаривают, с тобой не так общаются. Уже чувствуешь, что есть что-то несправедливое. Почему так, вопросы появляются. Дальше пойдешь – уже видишь дальше, насколько глубоко это пойдет...».

На наш вопрос о том, когда Мушкалишо начал писать стихи, он отвечает:

«Первые стихи я начинал еще в школе. Я всегда любил петь. Но я не думал никогда, что я вот так буду сочинять на профессиональном уровне. Первые стихи у нас у молодых любовные. Я начал, про девушку сочинил песню. Это было еще в школе. Два-три раза стихи, четыре-пять-шесть, потом школу окончил. Поехали в армию. После армии пришел домой уже, начал читать много там и у меня уже как бы появился ... сочинять. У меня отец всегда сочинял. У нас в дом всегда приезжали его друзья, поэты, учителя. Они читали там, пели, и мне тоже понравилось сочинять. Он на таджикско-персидском сочинял, а я на памирском начал и у меня очень хорошо получалось. Потом поступил в университет, там очень много я сочинял. Уже мои однокурсники узнали, что я пишу стихи, начали подходить те, которые пели. Просили, чтобы я на их музыку сочинял текст». (ПМА: Мушкалишо).

Когда мы спросили его о том, стоит ли реагировать на явную несправедливость или лучше промолчать, Мушкалишо отвечает:

«Реагировать надо на все. Если не реагировать, то ты уже автоматически станешь соучастником. То, что мы говорим о несправедливости, о неравенстве... но там надо подумать. То, что ты реагируешь – это воздействует на человека. Способствует тому, чтобы убедить человека в том, что он неправ. Или как до него донести? Надо подумать о том, в первую очередь, как ты можешь до него донести, можешь ли ты вообще донести до него, может ли он вообще тебя слушать. Или вообще он будет тебя игнорировать? В первую очередь человек должен быть психологом, посмотреть на людей, понять: могу ли я подействовать на человека. Означает ли мое мнение для него что-то, если что-то я скажу, это изменит ли его жизнь. Вот это важные факторы, которые человек сам для себя ... но конечно ни один человек не должен посмотреть на что-то мимо. Надо воздействовать».

Есть моменты в том же самом воспитании. Вот мы говорим о культуре, о религии, говорили об этом. Можно подействовать на людей культурой. в советское время было отношение другое, воспитание другое. Там вот те самые мультфильмы, которые были, те персонажи, которые были, – даже эти персонажи были очень милые такие. Хоть волк там, но он был милый. Фильм смотрели, мы влюблялись в персонажей, в актеров советских фильмов. Но сейчас столько фильмов, столько мультфильмов разных, американских, Волт Дисней, но смотришь на них, и наши дети смотрят, но ничего хорошего оттуда не берут и не запоминают. А мы всегда запоминали те фильмы, те юмористические ... было всего мало, но было качественно. А сейчас очень много, но не действует. в том числе и поэзия. Большинство стихов я сочиняю как учитель. Наставления, наставления о воспитании – очень много, но есть и романтика, и любовь, и природа, есть философия даже. Но большинство о воспитании. Почти в каждом стихе есть доля о том, чтобы

воспитать человека. Надо напоминать всегда людям. Те, которые наши приехали, видят эту среду, тут кругом соблазн. А человек тянется к нему. Когда человек видит что-то гладкое, красивое – всегда тянет. Или запретное. А я всегда говорю (и в своих стихах тоже) чтобы придерживаться этическим нормам» (ПМА: Мушкалишо).

Для Мушкалишо поэзия – это то, с чем он сталкивался с самого детства, с чем встречался в семье (его отец был поэтом). в силу этого она может быть не только пространством личной автономии, но и продолжением семейной традиции. Мушкалишо не исключает и того, что возможно его дочери (в сыновьях он этого потенциала не видит) также будут сочинять стихи, при этом для него в этом случае не важен язык сочинения: будь он русский, таджикский или шугнанский – сама поэзия выступает как механизм воспитания, назидания и наставления:

«Может в дочерях, из них кто-то будет проявлять это. И пусть будет поэтесса она на русском языке. Ничего в этом страшного нет. Может она станет великой русской поэтессой. Пусть сочиняет, ее язык уже русский. Но я передал свою культуру, свое воспитание, свой язык своим детям. Они, ... чтобы узнали, кто они, откуда они, кем был папа, кем был дед и там дальше, род откуда» (ПМА: Мушкалишо).

Таким образом, поэзия, становясь частью семейной истории, инкорпорируется в структуру индивидуальной идентичности. Она «приходит на помощь», когда нужно проанализировать и проинтерпретировать процессы, происходящие в обществе, в том числе проявления несправедливости, дискриминации. Посредством нее происходит диалог поэта-мигранта не только с окружением (аудитории, к которой обращается мигрант), но и с собой. Таким образом, в поэтическом пространстве, мигрант-поэт выражает свою субъектность, свою автономию.

Анализируя смыслы мигрантской поэзии, можно «уловить» и зафиксировать культурные коды, ценностные установки мигранта, его отношение к своей роле в судьбе, основные образы культурной памяти (включая травмы). Миграция связывается с трудностями и травматическим коллективным опытом гражданской войны в Таджикистане, из-за последствий которой пришлось покинуть родные края. Однако для Мушкалишо Россия – это вторая родина, он актуализирует воспоминания о Советском Союзе, «общем доме», которые играют не малую роль для старшего поколения. Тем не менее, респондент признает, что переезд в Россию сопровождался трудностями, проявлениями неравенства, актуализацией т.н. «национального вопроса», в контексте которого происходила стигматизация и стереотипизация «некоренного» населения в негативном ключе.

Памир для респондента – это пространство свободы, где «даже замков нет» (ПМА: Мушкалишо), там высокая степень социальной солидарности и чувства безопасности:

«...Мы не считаем соседей чужими. У каждого – свой дом, но кто-то хочет, заходит в дом, там беседует. Очень хорошие отношения, теплые, братские» (ПМА: Мушкалишо).

Мушкалишо пишет стихи с позиции учителя, для него важна воспитательная функция поэзии. Он признает человеческую слабость и тяготение к запретному, но при этом говорит о том, что нужно всегда помнить, кто ты, откуда приехал и зачем. Для

него поэзия выступает в качестве механизма трансляции ценностей, она – то, на что можно ориентироваться при потере себя, своей идентичности в условиях миграции и кризиса, вызванного как сменой социальной действительности, так и внутренними переживаниями и конфликтами. Интересно, что информант в интервью почти не апеллирует к религиозным основам системы ценностей. Для него ценности пронизывают все пространство культуры и выражаются в человеческом поведении, отношении к Другому. Корень несправедливости усматривается в человеческом злоупотреблении положением и силой, в человеческой психологии. Просматривается отсутствие тенденции к снятию ответственности с себя, когда речь заходит о несправедливости. Мушкалишо рассматривает человека как субъект, который сам привносит в этот мир как негативное, так и позитивное, а не является пассивным перед поворотами судьбы. Таким образом, Мушкалишо довольно оптимистично рассматривает природу человека: да, она поддается искушению, но ее можно и нужно контролировать, воспитывать, облагораживать. И его поэзия должна служить этим целям.

В одном из своих стихов
Мушкалишо пишет:

Чисето кадри одам судч ачаб пāст.
Фукав мāш мэрата урмат шич аз кāст.
Ца бедъч одамгарэ гуйо навудч йу,
Ачаб шайтўни анчувч фук мэ ар хъāст.
Чисэ фук фикрэ тар чефāйата пўл.
Чисе арчиндэ пулат пис вийав гўл.
Нуро йам мансабат обрўй пэ чефа,
Дэ пўл чāтам ху номус чўд ачаб чўл.
Ачоиб чйз авенам лак чу урмат.
Наредо мāш мэдъен дўнд мэрат улфат.
Царанго пас дэтйр хьойам Намоз мāш,
Царанго мāшта лўвам Вирд ху уммат.
Ринухъчāм некэ пас чизо чавобāм.
Дъаро чйзард ку аз хайрат савобам.
А Мушк, ар корэ сода бедикат ред,
ду дунйойотйр дэ чāто дар азобам.

Смысловой перевод на русский язык выглядит таким образом:

Посмотрите же, люди,
как не ценен теперь человек,
И даже сама любовь, и уважение стало ложным,
Ушла из людей человечность, не оставив следа,
навсегда.
Сатана управляет народом
и держит людей в узде.
Как посмотришь вокруг:
суета о деньгах и богатстве,
Правит миром людей, кто деньгами богат,
Тот становится главным для всех,
занимая почетное место.
Ради денег ничтожных теряем уважение,
честь и любовь,
Ну и как после этого можем
мы читать от души намаз?
И как можем мы быть Его уммой?
Мы забыли благие дела,
что теперь нам ответить?
Почему же мы такие далеки
от благих благородных дел?
Мушк, перестали мы замечать маленькие дела,
Потому-то и тяжело нам стало в двух мирах!

Третий поэт-мигрант – это Насим Исоев. Он уроженец Аштского района Согдийской области. Выпускник Таджикского национального университета по специальности «таджикская филология». в РФ проживает с 2002 г. Сейчас работает мастером на стройке в г. Тюмень.

В отличие от трех наших информантов, Насим не согласился дать интервью. Тем не менее, для данной статьи мы сочли нужным проанализировать два его стихотворения. Он достаточно активно занимается стихосложением. Практически каждую неделю Насим на своей страничке в Facebook выкладывает новые стихи. в одном из своих стихов

Насим видит несправедливость в том, что таджики не помогают друг другу. Несмотря на то, что это мог быть единичный случай в практике Насима, он акцентирует свое внимание именно на данном опыте, связывая концепцию социальной справедливости с вопросами социальной солидарности, основанной на этнических/национальных/культурных корнях и идентификации. в стихотворении «Мардикор» («Чернорабочий») автор пишет о тяжелой жизни таджикских трудовых мигрантов в России:

Дар сараш бори гарони зиндагӣ,
 Чомадон бар души хеш,
 Чомадоне каз либосу кулчанонаш пур буд,
 Буи нонаш пур буд.
 Аз ҳамели мағзи зардолуи боғаш,
 Аз мавизу қоки шафтолуи роғаш,
 Чанд суратҳои модар,
 Чанд суратҳои ҳамсар
 Чанд сурат бо чомили кудаконаш пур буд.
 Чомадонаш пур буд.
 Кад-кади раҳ,
 Тоҷикӣ дар кучаҳои шаҳри пурғавғои рус,
 Дар миёни сад ҳазорон мардумони бои рус,
 У қадам охиста мезад,
 У қадам шоиста мезад.
 У қадам мемонд шармин,
 У қадам мемонд вазнин.
 Зиндагӣ имрӯз бар душаш гаронӣ мекунад,
 Зиндагӣ номехрубонӣ мекунад.
 Ғарқи сад андешаҳо мерафт ӯ,
 Ғулғули мошинаҳои тезгард
 Фикри у мекард вайрон
 Чамбаш мешуд парешон.
 Чанд рубли руси андар чебаке дошт,
 Тукмаи тилфуни худро пахш кард.
 Занг мезад суи хешон.
 Дӯстонаш кардаанд ӯро фаромуш,
 Дӯстони Тоҷикистон.
 Тоҷикӣ мерафт хомуш,
 Тушаи андуҳ бар душ.
 Тоҷикӣ имруз хоҳад монд андар кучаҳо,
 Тоҷикӣ дур аз саро.
 Тоҷикӣ дур аз ватаи.
 Тоҷикӣ бо чомадони кулчанонаш,
 Тоҷикӣ бе дӯстонаш,
 Тоҷикӣ мерафт роҳ,
 Тоҷикӣ то истгоҳ.
 Чашми полисе бияфтид гоҳ-гоҳ,
 Омаду мошинсавораш карду рафт,
 Омаду бо туша бораш карду рафт.
 Ҷои хоб имруз пушти панчара,
 Ҷои боб имруз пушти панчара.

В переводе на русский язык:

Он идет и не чувствует вес своего рюкзака –
 Там лепешка, что помнит тепло его дома,
 Сухофруктов немного из сада отца-старика,
 Фото мамы, жены да детишек, кричащих
 «Ота!»
 Вот и все, с чем вступил он на путь этот свой
 незнакомый...
 Среди шума больших городских площадей –
 Непривычных, пугающих, неблагосклонных,
 Где в толпе обеспеченных русских людей.
 Он растерянно жметесь, невидимый, скромный,
 Да, сегодня судьба у него нелегка,
 Сотни мыслей тревожных, дороги чужбины.
 Он мечтает о солнечном доме, пока,
 Вдруг не вздрогнет от резких сигналов ма-
 шины.
 Что в карманах его? Там немного российских
 рублей
 Да бумаги клочок – номера городских теле-
 фонов.
 Набирает с надеждой своих он таджикских
 друзей.
 А в ответ тишина в незнакомых холодных
 районах.
 Как же быстро друзья эти все забывают добро,
 Перебравшись в Россию, чужими становят-
 ся сразу
 А ведь дома, где нет суеты и метро,
 Обращались к нему и ни разу не знали отказа.
 Тут к замерзшему, к брошенному впотымах
 Подъезжает машина полиции резко.
 Забирает его и везет за решетку – «Но как?»
 «А вот так! Регистрации нет? Значит, здесь
 твое место!»
 В тесной камере он, без друзей и родных,
 Осознал, как же мир изменился в минуту!
 В этом мире друзья превратились в чужих.
 Друг – не друг, а таджик здесь теперь не
 таджик
 Персом он называет себя почему-то,
 Да, на родине все мы единый народ,
 И добро для людей как монеты чеканям.

У намедонист ин чо точикон дигар шуданд,
 У намедонист ин чо точиконаш кар шуданд.
 Ошно бегона гардид,
 Ошно девона гардид.
 У намедонист точик аз худаши дорад харос,
 Номи точик гар бипурси бар ту мегуянд»-
 Форс»
 Гуиё точик намондаст,
 Точиконро ки бирондаст?
 Точикон аз ҳамдигар безорианд,
 Точикони корианд,
 Точикони хорианд!

Почему же попав под чужой небосвод,
 Избегаем друг друга, руки не протянем?
 Таджики чернорабочие,
 Таджики несчастные!

Интересно, что Насим в этом стихе затрагивает вопрос этнической идентичности таджиков в Москве. Он с грустью пишет о том, что таджик «персом называет себя почему-то». Дело в том, что уже несколько лет в таджикостанском обществе идет дискуссия о том, являются ли персы/иранцы и таджики одним народом или это два разных народа. Главным критерием при дискуссии на данную тему выступает язык. Единого мнения по этому вопросу нет и среди интеллектуальной элиты Таджикистана. Так академик М. Шукуров сетовал, что «современные руководители (имеются ввиду руководители Советского Таджикистана – Т.К., Ю.М) поддерживали концепцию классового языка, борясь против классического таджикского языка фарси...» (*Шукури* 2002: 140). Его оппонентом выступал другой академик Р. Масов, который считал, что таджикский язык не нуждается в использовании заимствованных слов из персидского языка, и, тем более нет надобности перехода письменности с кириллицы на арабскую графику (Подробнее об этой дискуссии, см.: *Шозимов* 2021: 788–794).

В другом своем стихотворении Насим жалуется на то, что миграция так сильно меняет людей, что даже друзья становятся недругами. Приводим в оригинале данное стихотворение:

Касе моро дар ин ғурбатсаро боре намекурсад.
 Гурезанд аз ғами мову на як ёре намекурсад.
 Дар ин шаҳр ошно ноошно мекунад, афсус.
 Чи шуд бар дустон ҳолат чу ағёре намекурсад.
 Бародар бо бародар бин, ки дар дил кинаҳо дорад,
 Ҳамон хоҳар, ки буд як вақт ғамхоре, намекурсад.
 Агар тарки ватан кардӣ, ҳама бегонару тобад.
 Зи дуриҳо туро чуз модари зоре намекурсад.
 Замоне гирди лабҳоят чи зебо ханда моил буд,
 Кунун дар кунчи ғам чуз чашми хунборе намекурсад.
 Насимӣ, чун гирифтори вабои аср гардидем,
 Агар мурдӣ, туро ҳеч кас чу беморе намекурсад.

В переводе:

Никто на чужбине не навещает нас,
 Бегут от наших проблем, ни один друг не спросит.
 В этом городе друг становится недругом,
 Что стало с друзьями, они как недруги!
 Брат с братом не ладит нынче.
 Сестра заботливая была и она теперь не навещает.
 Если ты покинул родину, все становятся незнакомцами.
 Только Мама из далека спросит как дела.
 Когда-то красивая улыбка была на лице,
 Теперь в углу разлуки и твои грустные глаза
 Насими, мы столкнулись с чумой века
 И на смертном одре никого не будет рядом!

Когда автор использует выражение «чумой века», он подразумевает коронавирусную инфекцию.

Естественно, тема COVID-19 тоже не осталась в стороне от творчества поэтов-мигрантов. Так, некоторые авторы своим стихам по теме COVID-19 придают заговорно-заклинательную форму. Поэтесса Бону Парвоза в одном из своих стихов «запрещает» вирусу распространяться по Таджикистану:

Смысловый перевод стиха на русский язык
выглядит так:

Гӯед курунаро Бадахшон набиё!
Бар водии ганчдори Горон набиё!
Вахон ба ту роҳ намекушояд асло.
Бар хоки бузурги мулки Шугнон набиё!
Зархез бувад замини Рушони азиз.
Ҳаргиз ба замини поки Рушон набиё!
Дар Ванчи пур аз ганч ба ту ҷоест нест!
Шав ғарк ба қаъри хоку пинҳон набиё!
Дарвозаи Дарвоз ба руйт баста.
Бар Суғду Ҳисору Вахшу Хатлон набиё!
Чун тоҷбасар бувад ҳама тоҷики ман
Зинҳор ба хоки Тоҷикистон набиё!

Скажите вирусу, чтобы не появился в Бадахшане,
Чтобы в благодатной долине Горона не появился,
Вахан не откроет тебе свои ворота,
На великую землю Шугнана не ступай!
Богата недрами земля Рушана,
Никогда не появляйся на священной земле Рушана!
В благодатном Ванче нет тебе места!
Провались в землю и исчезни!
Врата Дарваза тебе закрыты,
В Согде, Гиссаре, Вахше и Хатлоне не ступай!
Мои таджики – венценосная нация!
Не смей появляться в Таджикистане!

Бону в этом стихотворении использует выражение «венценосная нация». Дело в том, что существует теория, согласно которой этноним «таджик» означает «венценосец», то есть, народ, который правит. Несмотря на то, что данная теория имеет своих противников среди ученых, она является наиболее популярной в современном Таджикистане среди широких масс населения (например, см.: Мухаммад 2021: 151–163).

Во время нашего интервью с Бону мы спросили ее отношение к социальной справедливости. Она ответила:

«Справедливость – очень сложное понятие, оно всегда относительное. То, что для меня является справедливым, для кого-то может быть и не так. Поэтому я редко пишу стихи на тему социальной справедливости. Если говорить о справедливости в условиях миграции, то мне кажется, здесь в России относительно справедливости бывают два разные полюса. По отношению кого-то можно видеть много несправедливости, но по отношению к другому человеку можно видеть справедливое отношение. Например, во время пандемии коронавируса многих наших земляков вылечили в московских больницах абсолютно бесплатно, тем более у некоторых не было даже российского гражданства» (ПМА: Бону).

Бону Парвозова родилась и выросла в Ишкашимском районе Таджикистана, она выпускница педагогического института г. Душанбе. По специальности математик-физик. Первые свои стихи она начинает писать в студенческие годы, но часто начинает сочинять стихи после своего переезда в РФ в 2007 г. По ее словам, поэтические мысли к ней обычно приходят во сне, и тогда она встает и записывает их на бумаге. Иногда природа московских парков вдохновляет ее на творчество. Несмотря

на то, что Бону достаточно часто пишет стихи, она во время интервью призналась, что не считает себя поэтессой.

«Меня также вдохновляет мой собственный сын, который является певцом, слушаю его песни, потом появляются мои собственные стихи. Люди читают их, ставят “лайки”, реакция людей тоже вдохновляет меня, недавно аудио формат моих рубаи появились в Facebook, их декламировал профессиональный диктор в Душанбе, все эти успехи меня радуют, хотя, я конечно, до сих пор себя не считаю поэтессой», – говорит Бону.

Резюмируя вышеназванное, можно считать, что мигранты-поэты, создавая стихи (причем не важно, какого жанра) создают для себя комфортную зону «личной автономии». в стихах, освещающих тему социальной справедливости, происходит переосмысление этических ценностей в противовес их нынешней ситуации в России в контексте трудовой миграции. в творчестве поэты-мигранты – абсолютно свободные люди, чего нельзя сказать о повседневной жизни, где они зависимы от многих внешних факторов (полиция, работодатель, хозяин квартиры и т.д.).

Мигранты-поэты, критикуя экономические взаимоотношения с работодателями, в своих стихах говорят о морально-этических нормах, которые должны быть определяющими и доминантными во взаимоотношениях между людьми.

Конечно, анализируя стихи поэтов, надо учесть то обстоятельство, что поэты достаточно эмоционально могут реагировать на события. Именно поэтому часто в стихах появляются такие выражения как «ушла из людей человечность», «правит миром людей, кто деньгами богат» и т.д. Но эта экспрессия и эмоциональность выступают маркером ценностных установок мигрантов, «высвечивают» для исследователя ситуации, когда картина мира поэта вступает в противоречия с социальной действительностью. Эмоциональное переживание социальных процессов маркирует, что именно мигрант воспринимает как проблему, какой именно компонент его ценностной системы актуализируется при столкновении с несоответствием его представлениям о добре и зле.

Во время интервью с нашими поэтами было интересно узнать, как формируется субъектность мигранта в условиях, когда мигранты оказываются в исключённой и само-исключённой средах. Наши интервью показывают, что у наших поэтов очень ограниченные способы публичного самовыражения в Российской Федерации, у них ограниченный доступ к СМИ, к политике и культуре. Хотя, существует пример, когда таджикский поэт-мигрант Х. Холов в Санкт-Петербурге был избран членом-корреспондентом Академии русской словесности и изящных искусств имени Державина, и сюжет об этом был показан на первом общедоверальном канале[□]. Тем не менее, нельзя пока отнести подобные явления к тенденциям.

Чтобы выйти из «исключённой и само-исключённой среды», поэты обращаются к языку поэзии, который формирует специфическую публичную площадку и аудиторию. Интернет теперь дает им такую возможность, конституируя пространство, где соединяются воедино субъективные желания и амбиции автора стихов, с одной стороны, и возможности быть замеченным широкой аудиторией с помощью технических средств – с другой.

Юридические проблемы, социальная незащищенность и необустроенность быта мигрантов делают Россию в глазах поэтов-мигрантов чужбиной. Именно поэтому

в стихах мы встречаем слова «чужой небосвод», «тяжела моя судьба» и т.п. Еще одним немаловажным фактором, который наводит тоску на поэтов, является отсутствие родственного этнокультурного окружения. Сложный, а для многих невозможный доступ к теле- и радиопередачам Таджикистана, отсутствие театра и кино на родных языках усугубляют пессимистическое настроение этих творчески настроенных людей. Потеря в какой-то мере (безусловно, не полностью) реальных родственных связей отчасти компенсируется виртуальным общением с родственниками, живущими в РТ. Очень часто «лайки» со стороны родственников и читателей заменяют поэтам аплодисменты их реальных зрителей. Именно поэтому во время интервью наши респонденты неоднократно подчеркивали важность виртуальной реакции в виде т.н. «лайков» на их работы со стороны читателей.

Иногда таких поэтов приглашают на разные семейные торжества, такие как свадьбы, дни рождения и т.д. На этих мероприятиях поэты «переключаются» из виртуального мира на реальный мир. У них происходят реальные встречи со зрителями, поэты обычно выступают в роли ведущих, формируется социальное взаимодействие формата «лицом-к-лицу», которое, конечно же, существенно отличается от виртуального взаимодействия.

Естественно, стихосложение занимает не главное место в жизни трудовых мигрантов, они обращаются к нему лишь в свободное от работы время, которого у них не бывает много. Как показывают наши интервью с авторами, они скептически относятся к своим произведениям, да и к своему таланту тоже. Именно поэтому они не называют себя поэтами. Это занятие они считают скорее хобби, чем серьезным делом. Тем более что оно не приносит им больших материальных благ.

Можно сказать, что творчество восполняет духовную пустоту, которую наши информанты чувствуют в условиях миграции.

Пока еще рано говорить о признании этих поэтов-трудовых мигрантов со стороны профессионального сообщества поэтов Таджикистана, но, тем не менее, первые ростки культурного капитала среди этих поэтов уже просматриваются.

Источники

ПМА – полевые материалы авторов. Май-июнь 2021 г.

Научная литература

Каландаров Т.С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // *Acta Slavica Iaponica*, 2017. Vol. 38. P. 91–119.

Каландаров Т.С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия // *Вестник антропологии*, 2019. № 4. С. 169–177.

Мухаммад А.Н. Происхождение этнонима «таджик» // *Таджики* / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 151–163.

Шерали Л. Предисловие // *Шукуров М. Хуросон аст инчо (Хоросан здесь)*. Душанбе, 1996 (на тадж. яз).

Шозимов П. Формирование таджикской национальной идентичности // *Таджики* / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 782–802.

Шукури М. *Инсонгарои омӯзиш ва забони миллӣ* (Гуманизм образования и национальный язык) Душанбе: Пайванд, 2002 (на тадж. яз).

Coplan D. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers // *African Studies Review*. Mar., 1986. Pp. 29–40.

Kambaskovic D. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical // *Southerly* 2013. № 73: 1. Pp. 96–122.

Shamsher J. Panjabi Poetry in Britain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1978. № 6: 3 Pp. 291–305.

Sun W. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-poets and the Cultural Politics of Boundaries // *Journal of Contemporary China* November 2012. № 21: 78. Pp. 993–1010.

Timczuk A. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad // *Children's Geographies* 2013. № 11: 4. Pp. 490–503.

Kalandarov, Tokhir, and Julya Molchanova

Social Justice/Injustice in the Poetry of the Tajik Labor Migrants in Russia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/116-128

The article discusses the concepts of social justice and injustice in the Tajik Labor Migrants' poetry. Our interest in poetry is due to its functionality as it accumulates, expresses, and forms contextual meanings. However, it has not received appropriate attention in Russian science. At the same time, poetry creates a symbolical space where migrants can express their worries, outlooks, anxieties, and hopes. While conducting our interviews, we aimed not only to figure out what the concept of justice meant for our respondents but also to reveal the importance of their poetic reflections of the social reality for their self-identification and see who are "friends" and "foes" for them. The article is based on the analysis of the poetry by four migrant poets from Tajikistan and the interviews with three of them. Besides, the article contains the respondents' original poems and their translations into Russian.

Keywords: *Tajiks, poetry, migration, social justice, Tajikistan, Russia*

For Citation: Kalandarov, T., and Ju. Molchanova. 2021. Social Justice/Injustice in the Poetry of the Tajik Labor Migrants in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 116–128.

Author Info: **Kalandarov, Tokhir** – PhD in Hist., Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tohir_s70@mail.ru

Molchanova, Julya – PhD student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: volim9102@gmail.com

Funding: The study was carried out with the financial support of Rosa Luxemburg Foundation Branch in RF within the topic "Social Justice in the Poetry of Migrant Workers from Central Asia in Russia".

References

- Coplan, D. 1986. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers. *African Studies Review* 29: 29–40.
- Kalandarov, T.S. 2019. Tadzhijskaia migrantskaia religioznaia poeziia [Tajik Migrant Religious Poetry]. *Vestnik antropologii* 4: 169–177.
- Kalandarov, T.S. 2017. Kostochka sladkaia, na chuzhbine ya...: poeziya tadjhijskikh trudovykh migrantov v Rossii [Sweet Pip, I am in the Outland: The Poetry of Tajik Migrants in Russia]. *Acta Slavica Japonica* 38: 91–119.

- Kambaskovic, D. 2013. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical. *Southerly* 73 (1): 96–122.
- Mukhammad, A.N. 2021. Proiskhozhdenie etnonima “tadzhik” [The origin of the ethnonym “Tajik”]. In *Tadzhiki* [Tajiks], edited by N.A. Dubova, N.K. Ubaidullo, Z.M. Madamidzhonova, 151–163. Moscow: Nauka.
- Shamsher, J. 1978. Panjabi Poetry in Britain. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 6 (3): 291–305.
- Sherali, L. 1996. Predislovie [Preface]. In Shukurov M. *Khuroson ast injo* (Khorosan zdes’) [Khorosan is hear]. Dushanbe (In Tajik).
- Shozimov, P. 2021. Formirovanie tadzhikskoi natsional’noi identichnosti [Formation of Tajik national identity] In *Tadzhiki* [Tajiks]. N.A. Dubova, N.K. Ubaidullo, Z.M. Madamidzhonova (ed.). Moscow: Nauka. 782–802.
- Shukuri, M. 2002. *Insongaroi omʻyʻzish va zaboni milli* (*Gumanizm obrazovaniia i natsional’nyi iazyk*) [Humanism of education and national language] Dushanbe: Paivand, (In Tajik).
- Sun, W. 2012. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China’s Worker-poets and the Cultural Politics of Boundaries. *Journal of Contemporary China* 21 (78): 993–1010.
- Timczuk, A. 2013. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad. *Children’s Geographies* 11(4): 490–503.